

Глава 1

Тайник

Кондику не нравились игры на школьном дворе. Не нравилось, когда мальчишки выворачивали карманы брюк, чтобы достать все собранные за неделю богатства и похвастать перед другими. Сокровища на зависть! Чего там только не было: кусочки фольги,

фантики, стёклышки с гладкими краями, выловленные из реки в городском парке, болтики, гайки, остатки стирательной резинки... И, конечно, камни. Те самые камни, которых Кондик ужасно боялся.

Они больно били. По спине, по рукам. Били часто, исподтишка. Кондик плакал и убегал на третий этаж. Туда, где за кабинетом биологии коридор сворачивал резко влево, упираясь в незаметную дверь пыльной тёмной подсобки, доверху забитой швабрами и тряпками, пахнущими сыростью.

Там, в самом дальнем углу, Кондик сидел до тех пор, пока школьный звонок не начинал верещать как дикий, призывая всех на урок.

— Привет, Кондюша, — дверь подсобки скрипнула, и в проёме, освещённом узкой полоской света, возникла Таша. — Литра началась, погнались!

Кондик нехотя встал, отряхнул испачканные в паутине штаны и, испуганно озираясь по сторонам, медленно зашаркал по коридору.

— Опять лезли к тебе?

— Н-н-н-н... — пытался он справиться с простым словом.

— Врёшь ты всё! Ну они у меня получают! — Таша затрясла в воздухе кулаком.

Кондик улыбнулся и вытер мокрый нос белой манжетой накрахмаленной рубашки. Таша была его единственной подругой. Она не давала его в обиду и угощала бабушкиным печеньем. А ещё она хорошо училась, без запинки читала, высоко прыгала и бегала по стадиону быстрее всех. Кондик так не умел.

Зато он умел клеить воздушных змеев из обрезков кальки, которые мама оставляла на швейном столе, умел делать кораблики из веток и листьев, умел хранить секреты и варить кофе по-восточному в латунной турке с узорами-завитушками, как научил его дед.

— Кондратьев, Борисова! — послышался грозный голос за спиной.

Они резко обернулись. От учительской к кабинету русского языка и литературы вышагивала на своих высоченных широких каблуках Алевтина Ильинична. На голове у неё красовался неизменный огромный начёс, в котором крошечной точкой блестела шпилька с круглой бусиной. Других украшений Алевтина Ильинична не признавала. Она чтит строгость всегда и во всём.

— Быстро в класс. На свои места, — скомандовала учительница, с силой распахнув дверь кабинета.

Остальные уже сидели, молча уткнувшись в раскрытые книги. Кто-то повторял заученные наизусть строки солнца русской поэзии, кто-то пытался спрятаться от пронзительного взгляда Алевтины Ильиничны, а кто-то мысленно уповал на высшие силы, чтобы не оказаться у доски первым.

Учительница опустила на стул и выпрямила и без того прямую спину, отчего, казалось, стала доставать причёской почти до потолка. Потом зашелестела страницами классного журнала. Остановилась на нужной и провела пальцем снизу вверх.

— Машутин, к доске!

За третьей партой несчастно вздохнул темноволосый парнишка с оттопыренными ушами.

— Учил? — прищурилась Алевтина Ильинична.

— Учил...

— Тогда прошу! — и она указала рукой на чёрную доску в белёсых разводах.

Коля Машутин, теребя пластмассовые пуговицы на пиджаке и слегка запинаясь, начал вещать:

— Сижу за решёткой в темнице сырой. Вскормлённый в неволе орёл молодой...

Алевтина Ильинична невозмутимо кивала, не сводя глаз с мученика науки.

— Клюёт и бросает, — вдруг застопорился Машутин. — Клюёт и бросает...

Все слова у него в голове внезапно перемешались и стали напоминать отвратительно-ледяную манную кашу с липкими комочками.

— Клюёт и бросает, — предпринял он новую попытку. — Клюёт и бросает...

— Не съел, подбирает! — громогласно закончила Алевтина Ильинична, и класс взорвался от смеха. — Садись, Машутин.

Коля покраснел. Уши его полыхали, как две красные тряпки. Одноклассники тыкали в Колю пальцами и никак не могли угомониться.

Только Кондик с Ташей не хохотали. Им было жаль лопухого Машутина.

— Кто следующий? — выискивала в журнале очередную жертву Алевтина Ильинична. — К доске пойдёт, к доске пойдёт... Кондратьев Игорь!

Таша погладила Кондика по плечу и скрестила пальцы на обеих руках.

— Не смотри на них и не слушай, дыши спокойно, — тихо-тихо прошептала она.

Кондик подтянул брюки и робко прошёл вперёд, к первым партам.

— Ну-с, — поторопила его учительница, — мы ждём!

Кондик набрал побольше воздуха в лёгкие, стараясь помнить про Ташин совет.

— С-с-си-си-сизу, — заговорил он, — за-за-за решёткой...

— За-за-за, — издевательски зашептались сбоку.

Кондик крепко сжал кулаки, чтобы не поддаться панике. Он глядел на Ташу, а Таша на него, показывая, что пальцы скрещены и теперь всё будет хорошо.

— В те-те-темнице с-с-сырой...

Три четверостишия растянулись на целую вечность. Но Кондик дочитал стихотворение до конца и вернулся за свою парту.

— Ты — молодчина! — радостно прошептала Таша.

И Кондик тоже радовался. Только совсем недолго.

— Это у нас был... — искала нужную букву в журнале учительница.

— Ко-ко-ко-кондратьев, — закудахтал Генка Иванов, размахивая руками, словно огромными крыльями.

Именно он когда-то начал издеваться над Кондиком и кинул первый злосчастный камень, угодивший Кондику прямо по темечку. Генку слушали все. И хотели с ним дружить, и отдавали ему вкусные

жвачки, лишь бы Иванов принял их в свою компанию, главную команду школьного двора по игре в пять камней.

Кондик отлично знал правила игры: по пять камней на каждого игрока. Нужно подбросить первый камень и, пока он летит и падает, схватить второй и той же рукой поймать первый. Потом, когда в кулаке уже два камня, нужно подбросить второй и, пока он летит, поймать третий, не уронив первый. В общем, нужно подбрасывать и ловить, пока в кулаке не окажутся все пять камней.

Генка Иванов был самым популярным парнем в классе, потому что лучше всех играл в пять камней. Правда, не только благодаря своей ловкости. Он просто не давал никому выигрывать: других толкал под локоть, а себе помогал второй рукой. Но если находился смельчак, который был с чем-то не согласен, Генка тут же настраивал друзей против него и заставлял обзываться.

— Угомонись, Иванов, — велела Алевтина Ильична. — Или ты тоже хочешь к доске?

— Нет, — тут же спустился под парту Генка.

Когда урок закончился, Таша молнией подлетела к Иванову:

— Вот ты дурак, да? Достал уже со своими шутками!

Кондик стоял в стороне. Ему снова хотелось плакать. Хотелось сбежать в свой любимый тёмный угол подсобки и сидеть там, пока не закончится день и уборщица тётя Шура не выставит его за дверь. Ведь это он, он должен защищать девчонок, а не девчонки его. Стыдоба. Но Кондик и обзываться толком не умел. Слова так и застревали у него в горле, не желая вырываться наружу. Поэтому Генка Иванов и прозвал его обидным Ко-ко-ко, которое тут же к нему привязалось. Тупое прозвище и тупой Иванов!

Кондик мечтал, что однажды он справится со всеми словами на земле и ответит Генке как следует. И Таша будет гордиться им ещё больше. А он за это сварит ей кофе по-восточному на маленькой кухне с жёлтой занавеской в белый горошек.

— Ко-ко-ко, ко-ко-ко, не ходите далеко! — отдавались эхом по этажу Генкины насмешки.

Кондик закинул рюкзак на плечо и поплёлся в следующий кабинет. Дальше по расписанию была математика.

Елена Васильевна проветривала класс. Озорной осенний ветер задорно играл с плакатами, на которых